

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

Карцева М.А., Флоринская Ю.Ф.

Международные мигранты и коренные жители на российском рынке
труда: эмпирический анализ на данных обследования рабочей силы

Препринт

Москва 2022

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы,
Ведущий научный сотрудник
ИНСАП РАНХиГС,
канд. геогр. наук

(подпись, дата)

Ю.Ф. Флоринская
*(введение, заключение,
разделы 1,2)*

Исполнители темы

Старший научный сотрудник
ИНСАП РАНХиГС,
канд. эконом. наук

(подпись, дата)

М.А. Карцева
(разделы 2,3,4,5,6)

АННОТАЦИЯ

В России на сегодняшний день проживают миллионы международных мигрантов. В работе на основании данных обследования Росстата «Выборочное наблюдение труда мигрантов», проведенного в 2019 г., выполнен эконометрический сравнительный анализ положения на рынке труда мигрантов, прибывших в Россию с 1992 г., и коренных жителей. По отдельным показателям сравнивается положение мигрантов в зависимости от срока их проживания в России – менее одного года, от года до пяти лет и более 5 лет. Показано, что сам факт миграции не оказывает статистически значимого влияния на вероятность наличия оплачиваемой занятости. В то же время отраслевая структура занятости, а также структура занятости в разрезе групп занятий, демонстрируют значительные отличия в зависимости от срока проживания мигрантов в России. Недавние мигранты, проживающие в России менее 5 лет, значительно чаще работают в строительстве и торговле и намного реже – в здравоохранении, образовании и госуправлении, по сравнению с теми, кто живет в России более 5 лет. При этом мигранты – старожилы значительно чаще недавних мигрантов являются специалистами высшего и среднего уровня квалификации, а также занимают руководящие должности. Наиболее заметные отличия в положении недавних мигрантов и старожилов, а также коренных жителей, наблюдаются в сфере оформления трудовых взаимоотношений между работником и работодателем. При прочих равных недавние мигранты имеют значимо более высокую вероятность отсутствия письменного трудового договора, чем старожилы или коренное население. С увеличением продолжительности проживания в России мигранты все больше адаптируются на российском рынке труда, и при достаточно большом сроке проживания в РФ рынок труда практически не демонстрирует разницы в положении мигрантов и коренных жителей.

Ключевые слова: мигранты, рынок труда, структура занятости, срок проживания

Классификация JEL: J61, R23

ABSTRACT

Millions of international migrants are living in Russia today. This paper, based on Rosstat's "Selective Observation of Migrant Labor" survey conducted in 2019, provides an

econometric comparative analysis of the labor market situation for migrants arriving to Russia since 1992 vs. the local population. The migrants' situation is compared by multiple indicators, depending on the duration of their residence in Russia – less than one year; one to five years; 5 years or more. It is demonstrated that the migration has no statistically significant effect on the availability of paid employment. At the same time, the sectoral structure of employment, as well as the structure of employment in terms of occupational groups, show significant differences depending on the period of migrants' stay in Russia. Recent migrants, living in Russia for less than 5 years, are significantly more likely to work in construction and trade, and much less likely to go into healthcare, education, or public administration, compared to those who have been living in Russia for more than 5 years. At the same time, old-timer migrants are much more likely to be middle or top-level specialists, or to hold managerial positions. The most notable differences between the situations of recent and old-timer migrants, as well as the locals, can be observed in labor relations between the employee and the employer. All other things being equal, recent migrants are significantly more likely to have no formal employment contract, as opposed to old-timer migrants or the locals. The longer the migrants stay in Russia, the more they adapt to the Russian labor market, and with a sufficiently long period of residence, the labor market shows almost no difference between the situations of migrants and the locals.

Keywords: migrants, labor market, employment structure, duration of stay

Содержание

Введение	6
1. Данные. Миграционный статус.....	7
2. Социально-демографические характеристики	10
3. Статус на российском рынке труда	11
4. Отраслевая структура занятости	18
5. Структура занятости по группам занятий	21
6. Формальный и неформальный статус на рынке труда.....	23
Заключение	29
Список использованных источников	31

Сокращения

ИНСАП РАНХиГС – Институт социального анализа и прогнозирования Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

Росстат – Федеральная служба государственной статистики

ГУВМ МВД России – Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел России

ОРС - Обследование рабочей силы

ПМЖ – постоянное место жительства

Введение

На протяжении всего постсоветского периода Россия являлась крупнейшим центром по приему международных мигрантов. На момент Всероссийской переписи населения 2010 г. в России проживало 6,1 млн международных мигрантов – тех, кто переехал в Россию уже после распада СССР [1]. Всего за период с 1992 г. по 2020 г. в РФ прибыло 13,89 млн международных мигрантов, выбыло за эти же годы – 6,67 млн [2]. Мигранты, учитываемые Росстатом, это долгосрочные мигранты, приезжающие в страну на срок 1 год и более, главным образом на ПМЖ. Именно такой критерий предлагается использовать, следуя Рекомендациям ООН по статистике международной миграции 1998 г. [3].

Основу долгосрочной миграции в 1990-2000-е гг. составляли вынужденные мигранты и репатрианты [4], чаще всего этнические русские и представители других титульных народов России, проживающие за ее пределами на момент распада СССР. Самым масштабным поток такой миграции был в первое постсоветское десятилетие, к концу 90-х годов численность прибывающих мигрантов начала снижаться [5].

В то же время с начала 2000-х годов на первое место по объему вышли временные миграционные потоки. Под временными мигрантами мы понимаем тех, кто прибыл в Россию не на ПМЖ, а с другими целями: работать, учиться, в рамках деловых поездок, в гости, лечиться и т.д. Статистически временные мигранты – это те, сведения о которых публикует ГУВМ МВД РФ (а ранее – ФМС РФ), в отличие от постоянных (долгосрочных) мигрантов, попадающих в статистику Росстата. Около половины или даже более объема временной миграции в РФ – это трудовые мигранты, те, кто приезжает в Россию на работу.

В последнее десятилетие, если ежегодный приток миграции на ПМЖ, учитываемый Росстатом, исчисляется сотнями тысяч, то временная трудовая миграция – миллионами [6]. В целом деление мигрантов на временных (трудовых) и постоянных (иммигрантов) чрезвычайно условно и не отражает их жизненных планов и ориентаций. Среди трудовых мигрантов велика доля тех, кто живет и работает в России практически постоянно [7, 8]. С 2011 г., после смены методики учета в 2010 г., Росстат стал учитывать в качестве долгосрочных мигрантов как зарегистрированных по месту жительства, так и по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. В результате в статистику долгосрочной миграции стала попадать какая-то часть

временных трудовых мигрантов, фактически живущих в России как ее постоянные жители.

Таким образом, в России проживают миллионы международных мигрантов, переехавших в нее на ПМЖ или с целью работы или учебы. Однако масштабных исследований, сравнивающих их социально-демографические характеристики и положение на рынке труда с коренными жителями, практически нет. Нет и понимания, зависят ли эти характеристики и положение мигрантов на рынке труда от срока их проживания в России. Обследования Росстата «Выборочное наблюдение труда мигрантов», проводимые раз в 5 лет, начиная с 2014 г. (в 2014 г.¹ и 2019 г.²), при всех ограничениях выборки, позволяют расширить наши представления о некоторых сторонах жизни мигрантов в России.

1. Данные. Миграционный статус

Эмпирической основой исследования, проведенного в ходе выполнения НИР ИНСАП РАНХиГС «Взаимосвязь и механизмы трансформации временной и постоянной миграции в Россию», являются микроданные выборочного статистического наблюдения за использованием труда мигрантов - социологического обследования Росстата 2019 года. Данное обследование представляет собой дополнительный блок к регулярному обследованию рабочей силы (ОРС) и проводится один раз в пять лет.

При построении выборки обследования единицей отбора является домохозяйство. В качестве генеральной совокупности для формирования выборки используется информация о домохозяйствах, полученная в результате Всероссийской переписи населения 2010 года. Опрос проводится во всех регионах страны. Отбор домохозяйств осуществляется с помощью модели многофазной выборки, на последнем этапе которой применяется двухступенчатый отбор (первая ступень – отбор счетных участков, вторая ступень – отбор домохозяйств). В отобранном домохозяйстве в обследовании принимают участие все члены домохозяйства в возрасте от 15 лет и старше. Опрос проводится интервьюером в форме личного интервью по заранее разработанной анкете. Данные выборочного наблюдения труда мигрантов в совокупности с данными обследования рабочей силы представляют

¹ https://gks.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html

² https://gks.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html

собой уникальный массив данных, содержащий подробную информацию о миграционном статусе индивидов, их миграционной истории, их положении на рынке труда, а также о социально-демографических характеристиках индивидов и их домохозяйств. Всего в 2019 году охват обследования составил около 130 тысяч домохозяйств, в которых проживало 308 тысяч людей в возрасте от 15 лет и старше. Данные обследования репрезентируют население по полу, возрасту и типу поселения. Ознакомиться подробно с описанием методологии и получить микроданные обследования можно на сайте Росстата (https://gks.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html). Заметим, что в открытом доступе находится только часть показателей.

Под международными мигрантами в обследовании понимаются люди, родившиеся не в России и на начало 1992 года не проживавшие в ней, а переехавшие в нее на постоянное место жительства в 1992 году и позже, т.е. изменившие страну обычного проживания. В свою очередь, коренные жители – это те, кто родился в России (или на территории СССР, но на начало 1992 г. проживал в России и не менял позднее страну своего проживания).

Для наших целей были отобраны респонденты в возрасте от 25 лет до 60 лет. Мы не рассматриваем людей старших возрастов, так как получение пенсионного дохода может существенно искажать стимулы к поиску работы и мотивацию выбора рабочего места. Люди до 25 лет находятся за рамками нашего исследования, так как у них достаточно часто не закончен образовательный цикл. Молодые люди могут совмещать обучение с работой, что также оказывает существенное влияние на их поведение на рынке труда.

Массив данных выборочного наблюдения труда мигрантов содержит информацию о 180667 индивидах в возрасте от 25 лет до 60 лет. Среди них 174621 коренных жителей и 6046 мигрантов. В основном мигранты – это люди, родившиеся в странах бывшего СССР. Среди всех опрошенных мигрантов таких подавляющее большинство (97,9%). По 22% мигрантов из стран - бывших республик СССР приехали в Россию из Казахстана и Украины, 14% - из Узбекистана, по 5% - 7% из Азербайджана, Армении, Беларуси, Киргизии, Таджикистана. Только 2,1% мигрантов (120 человек) родились в странах, не являющихся бывшими республиками СССР. 32% из них (41 человек) родились в Германии.

Большинство мигрантов 82,5% можно охарактеризовать как старожилов – они проживают в России более пяти лет. Еще 13,2% мигрантов – это недавние мигранты,

они проживают в России от года до пяти лет. Только 4,3% мигрантов переехали совсем недавно, менее года назад. Причины переезда несколько варьируются в зависимости от срока проживания в России (см. таблицу 1). Для старожилов доминирующей причиной переезда был переезд на ПМЖ (44%). Для недавних мигрантов, проживающих в России от 1 до 5 лет, самой важной причиной переезда является работа (39%), в то время как значимость переезда на ПМЖ снижается до 16%. По сравнению с другими группами мигрантов, существенная часть недавних мигрантов переехали в Россию из-за неблагоприятной ситуации в стране проживания (22% против 14% в группе старожилов и 5% в группе совсем недавних мигрантов). Среди совсем недавних мигрантов трудовая миграция имеет еще большее значение – 62% мигрантов, проживающих в России менее года, переехали из-за работы.

Таблица 1 – Причины переезда в разрезе длительности проживания в России, %, 2019 г.

Причина переезда	Длительность непрерывного проживания в России		
	Менее года	От 1 до 5 лет	5 лет и более
Работа	62,4%	39,4%	17,2%
Учеба	0,8%	1,1%	4,3%
Семейные обстоятельства	12,3%	20,3%	19,2%
Переезд на ПМЖ	16,0%	16,1%	43,6%
Неблагоприятная ситуация в стране выбытия	5,4%	21,7%	13,8%
Другое	3,1%	1,2%	2,0%
Всего	100%	100%	100%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 год.

Более трех четвертей (77%) мигрантов являются гражданами РФ. 18% мигрантов – граждане других государств. Порядка 5% мигрантов имеют два гражданства – гражданство России и другого государства. Вероятность наличия российского гражданства увеличивается с увеличением продолжительности жизни в России. Практически все старожилы (92%) имеют российское гражданство (учитывается наличие российского гражданства вне зависимости от наличия гражданства другого государства). Среди недавних мигрантов доля граждан России составляет 39%, среди совсем недавних мигрантов – 25%.

2. Социально-демографические характеристики

Среди мигрантов рассматриваемой возрастной группы мужчин несколько больше, чем женщин – мужчины составляют 52% всех мигрантов, а женщины – 48%. Для коренного населения ситуация обратная, среди них женщин больше, чем мужчин (51% против 48%). Наблюдаемые различия гендерной структуры, скорее всего, объясняются значительным присутствием трудовых мигрантов среди всех обследуемых мигрантов, а трудовая миграция в Россию – это преимущественно мужское занятие [9].

Средний возраст мигранта в целом не отличается от среднего возраста коренного жителя и составляет 42 года. Однако средний возраст мигрантов зависит от длительности их пребывания в России – средний возраст старожилов (более 5 лет в России) около 44 лет, средний возраст недавних мигрантов (1-5 лет в России) – 37 лет, средний возраст совсем недавних мигрантов (менее года в России) – 35 лет.

В целом возрастная структура всех мигрантов мало отличается от возрастной структуры коренного населения. Молодые люди в возрасте от 25 до 34 лет составляют немногим менее трети как среди мигрантов, так и среди коренного населения (30% и 31% соответственно). Примерно такую же долю в структуре этих двух групп населения занимают люди среднего возраста (от 35 до 44 лет) – 29% среди мигрантов и 28% среди коренного населения. Доля люди старшей из рассматриваемых возрастных групп (45 – 60 лет) оценивается в 41% как среди мигрантов, так и среди коренного населения.

Данные наблюдения труда мигрантов позволили провести сравнительный анализ брачного статуса мигрантов и коренного населения. В ходе анализа не учитывался факт официальной регистрации брака – в качестве состоящих в браке мы учитывали как людей, состоящих в зарегистрированном браке, так и людей, состоящих в незарегистрированном браке. Согласно данным обследования, 76% мигрантов состоят в браке. Среди коренных жителей уровень брачности несколько ниже, хотя величину различий нельзя назвать существенной – 72% коренных жителей состоят в браке.

Несмотря на схожие гендерную и возрастную структуры, мигранты и коренное население существенно различаются по уровню образования. В среднем уровень образования мигрантов ниже уровня образования коренных жителей. Треть мигрантов (33%) не имеют профессионального образования, тогда как доля тех, кто закончил только школу, среди коренного населения существенно ниже – 23%. Доля

людей с начальным и средним профессиональным образованием среди мигрантов составляет 40%, а среди коренных жителей – 45%. По сравнению с коренным населением среди мигрантов в 1,2 раза ниже доля людей с высшим образованием – только 27% мигрантов имеют высшее образование, тогда как среди коренного населения аналогичный показатель составляет 33%.

Три четверти (76%) коренного населения проживают в городах, а четверть (24%) – в сельской местности. Структура расселения мигрантов несколько более сдвинута в сторону городов – 80% мигрантов живут в городах, а 20% в сельской местности. Наблюдаемое различие структуры расселения может объясняться тем, что часть мигрантов – это трудовые мигранты, центрами приложения труда для которых чаще являются именно города.

В таблице 2 суммированы все описанные выше социально-демографические характеристики мигрантов и коренных жителей.

Таблица 2 – Социально-демографические характеристики мигрантов и коренных жителей, %, 2019 г.

Группа	Мигранты	Коренные жители
Пол		
Мужчина	47,8%	52,3%
Женщина	52,1%	47,7%
Возрастные группы		
25 – 34 года	29,9%	30,7%
35 – 44 года	29,2%	28,1%
45 – 60 лет	41,0%	41,2%
Состояние в браке		
Состоит в браке	75,7%	71,7%
Не состоит в браке	24,3%	28,3%
Образование (наивысший уровень)		
Общее среднее и ниже	33,0%	22,6%
Начальное профессиональное	17,2%	19,7%
Среднее профессиональное	23,2%	24,8%
Высшее	26,6%	32,9%
Место проживания		
Город	79,5%	75,7%
Сельская местность	20,5%	24,3%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 год.

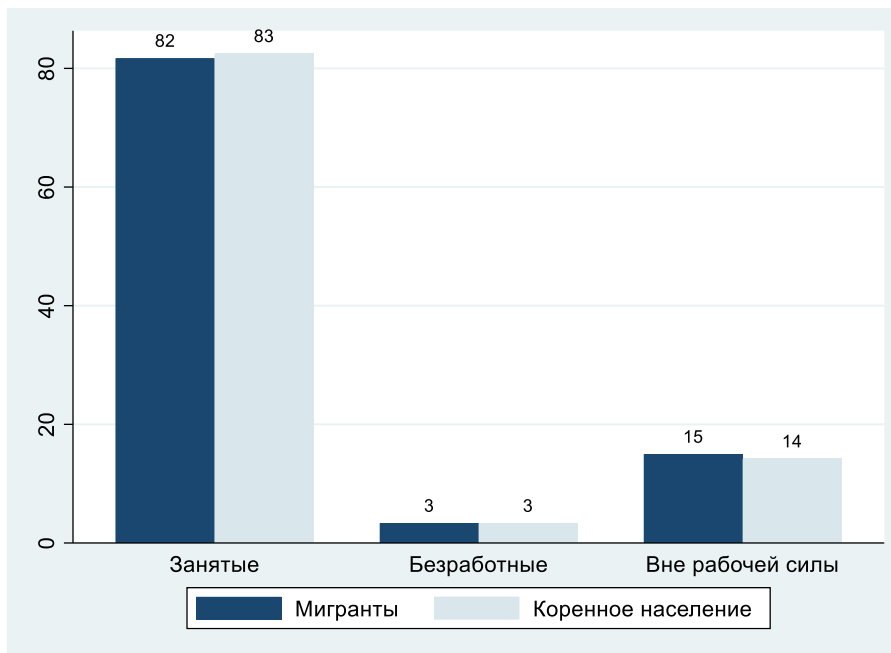
3. Статус на российском рынке труда

В разделе приводятся основные результаты сравнительного анализа статуса мигрантов и коренного населения на российском рынке труда. Анализ проводится в разрезе трех групп населения – занятые, безработные и население вне рабочей силы.

Также в разделе анализируется влияние миграции на уровень занятости для населения в целом и для отдельных социально-демографических групп.

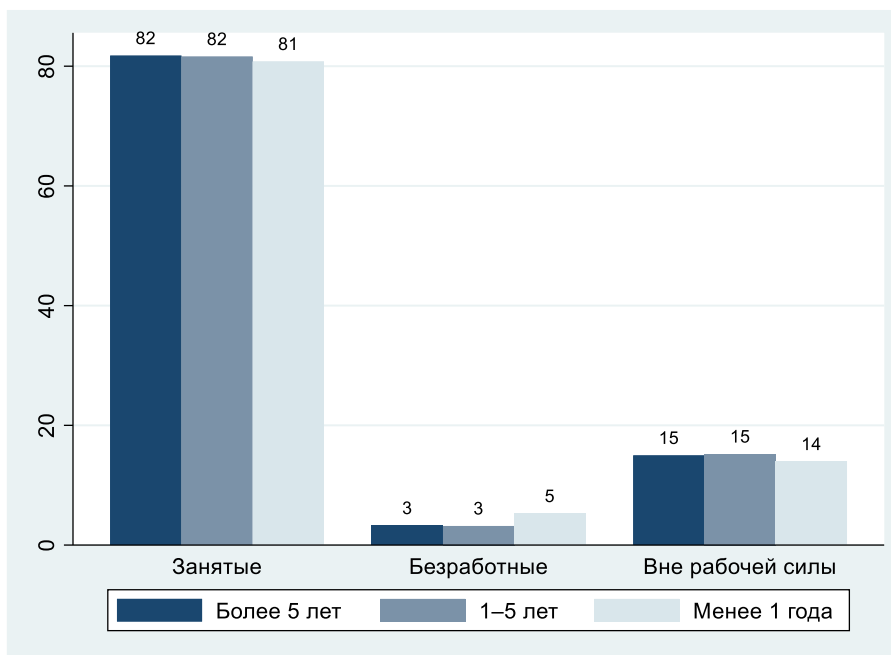
На рисунке 1 представлена структура населения по статусу участия в рабочей силе для мигрантов и коренного населения. Проведенный анализ показал, что рассматриваемые группы населения имеют очень сходную структуру участия в рабочей силе. Уровень занятости среди мигрантов составляет 82%. Для коренного населения аналогичный показатель оценивается в 83%. Доля безработных для обеих групп – 3%. Вне рабочей силы находятся 15% мигрантов и 14% коренного населения.

Интересно отметить, что структура мигрантов по статусу участия в рабочей силе практически не варьируется в зависимости от длительности непрерывного пребывания в России (см. рисунок 2). В группах мигрантов, проживших в России более 5 лет, 1 – 5 лет и менее 1 года, уровень занятости составляет 82%, 82% и 81% соответственно, а доля лиц вне рабочей силы – 15%, 15% и 14% соответственно. Единственное, что имеет смысл выделить – относительно более высокий уровень безработицы среди совсем недавних мигрантов (длительность пребывания в России менее 1 года). В этой подгруппе мигрантов доля безработных составляет 5%, тогда как в группе старожилов и недавних мигрантов – 3%.

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

Рисунок 1 – Структура населения по статусу участия в рабочей силе: мигранты и коренное население, %

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 год.

Рисунок 2 – Структура мигрантов по статусу участия в рабочей силе в зависимости от длительности непрерывного пребывания в России, %

Если в среднем уровень занятости мигрантов практически не отличается от уровня занятости коренного населения (82% и 83% соответственно), то среди отдельных социально-демографических групп уровень занятости мигрантов может отличаться от аналогичного показателя для коренных жителей. В таблице 3 показан уровень занятости мигрантов и коренных жителей в разрезе основных социально-демографических групп.

Таблица 3 – Уровень занятости и социально-демографическая структура мигрантов и коренных жителей, %, 2019 год

Группа	Мигранты	Коренные жители
Все население	81,7%	82,5%
Пол		
Мужчина	90,8%	87,7%
Женщина	71,8%	77,8%
Возрастные группы		
25 – 34 года	81,3%	84,9%
35 – 44 года	87,6%	88,9%
45 – 60 лет	76,4%	77,8%
Образование (наивысший уровень)		
Общее среднее и ниже	76,3%	71,7%
Начальное профессиональное	80,9%	82,2%
Среднее профессиональное	84,5%	84,2%
Высшее	86,5%	88,9%

Место проживания		
Город	83,3%	84,9%
Сельская местность	75,5%	75,2%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 год.

Проведенный статистический анализ показал, что для мужчин уровень занятости среди мигрантов несколько превышает аналогичный показатель среди коренных жителей (91% против 88%). Для женщин ситуация обратная – доля занятых среди женщин-мигранток ниже, чем доля занятых среди коренных жительниц (72% против 78%). В разрезе отдельных возрастных групп уровень занятости коренных жителей превышает уровень занятости мигрантов в самой молодой группе, от 25 до 34 лет (85% и 81% соответственно). Для остальных возрастных групп доля занятых среди мигрантов и среди немигрантов отличаются несущественно. Мигранты с низким уровнем образования (общее среднее и ниже) несколько чаще имеют оплачиваемую занятость, чем коренные жители с аналогичным уровнем образования (76% против 72%). Для более образованных различие незначительно. В городах уровень занятости мигрантов немного ниже уровня занятости коренных жителей (83% против 85%). В сельской местности наблюдаются практически одинаковые доли занятых как среди мигрантов, так и среди коренного населения (75%– 76%).

Приведенный выше статистический анализ различий уровня занятости мигрантов и коренного населения основан на простом сравнении средних, имеет описательный характер и формирует общую картину. Однако в ряде случаев сравнение средних может приводить к некорректным результатам. Так, можно предположить, что в силу социально-демографических различий групп мигрантов и коренных жителей сравнение средних уровней занятости может приводить к смещенным оценкам влияния миграции на уровень занятости. Для того чтобы получить оценки миграции на уровень занятости “при прочих равных”, в работе используется регрессионный анализ, проводится оценка следующей логит-модели³ (модель 1):

$$P(empl = 1) = \Lambda(\alpha * migr + x\beta), \quad (1)$$

³ Здесь и далее логистическая модель является методом выбора, так как зависимая переменная бинарная [10]

где $empl$ – индикатор занятости индивида на рынке труда;

$migr$ - индикатор миграции;

x - вектор социально-демографических характеристик, включающий в себя возраст человека, пол, индикатор брачного статуса, набор дамми-переменных, характеризующих образование, дамми-переменную, характеризующую место проживания.

Дополнительно в работе была оценена модель, позволяющая оценить влияние миграции на вероятность занятости в зависимости от срока непрерывного проживания в России (модель 2):

$$P(empl = 1) = \Lambda(\alpha_1 * migr_1 + \alpha_2 * migr_2 + \alpha_3 * migr_3 + x\beta), \quad (2)$$

где $empl$ – индикатор занятости индивида на рынке труда;

$migr_1$ - индикатор совсем недавней миграции (непрерывное проживание в России менее 1 года);

$migr_2$ - индикатор недавней миграции (непрерывное проживание от 1 до 5 лет);

$migr_3$ - индикатор старожилов (непрерывное проживание более 5 лет);

x вектор социально-демографических характеристик (см. Модель 1).

В таблице 4 представлены результаты оценивания моделей 1 и 2 для всего населения (первый и второй столбцы таблицы соответственно). Проведенный эконометрический анализ показал, что в среднем факт миграции не оказывает статистически значимого влияния на вероятность наличия оплачиваемой занятости. Полученный результат устойчив к вариации длительности пребывания в России. Ни для старожилов, ни для недавних и совсем недавних мигрантов уровень занятости при прочих равных статистически не отличается от аналогичного показателя для коренного населения. Значимыми факторами занятости являются его социально-демографические характеристики:

- Пол (для женщин вероятность занятости ниже, чем для мужчин);

- Возраст (у людей из молодой и старшей возрастных групп вероятность занятости ниже, чем у людей средних возрастов);

- Образование (наличие профессионального образования увеличивает вероятность занятости, максимальная величина эффекта отмечается для имеющих высшее образование);

Продолжение таблицы 4

- Место проживания (в сельской местности вероятность занятости ниже, чем в городах).

Таблица 4 – Результаты эконометрического анализа влияния миграции на вероятность занятости, оценки коэффициентов, 2019 г.

Показатель	Модель 1	Модель 2
Миграция (референтная группа – коренное население)		
Мигрант	-0.033 [0.039]	
Мигрант (до 1 года в России)		-0.186 [0.198]
Мигрант (от 1 до 5 лет в России)		-0.028 [0.112]
Мигрант (более 5 лет в России)		-0.026 [0.042]
Пол (референтная группа – мужчины)		
Женщина	-0.859*** [0.016]	-0.859*** [0.016]
Возраст (референтная группа – 35–44 года)		
25 – 34 года	-0.410*** [0.022]	-0.409*** [0.022]
45 – 60 лет	-0.869*** [0.019]	-0.869*** [0.019]
Образование (референтная группа – основное общее и ниже)		
Начальное профессиональное	0.531*** [0.020]	0.530*** [0.020]
Среднее профессиональное	0.836*** [0.020]	0.835*** [0.020]
Высшее профессиональное	1.120*** [0.021]	1.120*** [0.021]
Состояние в браке (референтная группа – не состоит в браке)		
Состоит в браке	0.178*** [0.016]	0.178*** [0.016]
Место проживания (референтная группа – город)		
Сельская местность	-0.444*** [0.015]	-0.444*** [0.015]
Константа	1.954*** [0.027]	1.954*** [0.027]
Количество наблюдений	180667	180667

Примечание

1 *, **, *** – значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки.

2 Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

Для понимания влияния миграции на занятость внутри отдельных социально-демографических групп населения в работе было проведено оценивание модели 1 для основных групп населения (таблица 5). Проведенное исследование показало: несмотря на то, что в среднем миграция не оказывает статистически значимого

влияния на занятость индивидов, факт миграции имеет значимый разнонаправленный эффект для мужчин и женщин. Для мужчин факт миграции значимо увеличивает вероятность занятости по сравнению с мужчинами - представителями коренного населения. Для женщин, наоборот, вероятность занятости для женщин-мигранток значимо ниже, чем для женщин-немигранток. В самой молодой возрастной группе (25 – 34 года) уровень занятости мигрантов ниже, чем уровень занятости коренных жителей. Для остальных возрастных групп различие статистически не значимо.

Интересные результаты были получены в разрезе образовательных групп. Среди людей с высшим образованием факт миграции при прочих равных снижает вероятность занятости. Для остальных уровней образования значимого эффекта миграции выявлено не было. В городах факт миграции снижает вероятность занятости, в сельской местности шансы иметь работу у мигрантов не отличаются от шансов иметь работу для коренного населения.

Таблица 5 – Результаты эконометрического анализа влияния миграции на вероятность занятости для отдельных групп населения, оценки коэффициентов, 2019 г.

Группа	Мигрант	Количество наблюдений
Пол		
Мужчины	0.355*** [0.072]	84826
Женщины	-0.257*** [0.049]	95841
Возраст		
25 – 34 года	-0.152* [0.078]	44195
35–44 года	-0.090 [0.081]	53368
45 – 60 лет	0.075 [0.053]	83104
Образование		
Общее среднее и ниже	0.074 [0.061]	45307
Начальное и среднее профессиональное	-0.031 [0.061]	82350
Высшее профессиональное	-0.267*** [0.087]	53010
Место проживания		
Город	-0.175*** [0.047]	115009
Сельская местность	0.004 [0.060]	65658

Примечание

1 *, **, *** – значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки.

2 Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

4. Отраслевая структура занятости

Основные результаты сравнительного анализа отраслевой структуры занятых мигрантов и коренных жителей представлены в таблице 6. Исследование выполнялось в разрезе разделов ОКВЭД (ОК 029-2014).

В целом отраслевая структура занятости мигрантов сходна с аналогичной структурой для коренного населения. В первичном секторе экономики (ОКВЭД А, В) занят каждый двенадцатый работающий как среди мигрантов (7,8%), так и среди коренного населения (8,3%). Порядка четверти мигрантов (26,0%) и коренных жителей (24,8%), имеющих оплачиваемую занятость, работают во вторичном секторе экономики (ОКВЭД С – F). Две трети работающих заняты в третичном секторе, в секторе услуг (ОКВЭД G – U) (66,2% мигрантов и 66,9% коренных жителей).

Таблица 6 – Структура занятости мигрантов и коренного населения в РФ разрезе отдельных видов экономической деятельности, 2019 г.

Вид экономической деятельности	Раздел ОКВЭД	Мигранты	Коренные жители
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	А	5,1%	5,7%
Добыча полезных ископаемых	В	2,7%	2,5%
Обрабатывающие производства	С	11,3%	14,4%
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Д	1,7%	2,6%
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Е	0,5%	0,8%
Строительство	F	12,5%	7,0%
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотр. средств и мотоциклов	G	19,9%	15,5%
Транспортировка и хранение	Н	9,7%	8,8%
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	І	4,2%	2,5%
Деятельность в области информации и связи	J	1,6%	1,8%
Деятельность финансовая и страховая	К	1,8%	2,3%
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	L	2,2%	1,6%

Вид экономической деятельности	Раздел ОКВЭД	Мигранты	Коренные жители
Деятельность профессиональная, научная и техническая	М	2,2%	3,4%
Деятельность административная и сопутствующие доп. услуги	Н	2,5%	2,5%
Государственное управление; социальное обеспечение	О	3,6%	6,9%
Образование	Р	6,8%	9,4%
Деятельность в области здравоохранения и соц. услуг	Q	6,8%	7,9%
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений"	Р	1,6%	1,9%
Предоставление прочих видов услуг	S	3,2%	2,4%
Деятельность домашних хозяйств как работодателей	Т	0,1%	0,0%
Деятельность экстерриториальных органов и организаций	U	0,0%	0,0%
Всего		100%	100%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

Однако по отдельным видам экономической деятельности в структуре мигрантов и коренного населения наблюдаются некоторые различия. В частности, доля мигрантов, занятых в строительстве, практически в два раза превышает аналогичную долю среди коренных жителей (12,5% против 7,0%). Также мигранты чаще, чем коренные жители заняты в торговле (19,9% и 15,5% соответственно). По сравнению с мигрантами коренные жители чаще работают в таких отраслях как обрабатывающие производства (среди коренных жителей 14,4%, среди мигрантов 11,3%), государственное управление (6,9% и 3,6% соответственно) и образование (9,4% и 6,8% соответственно). Вероятность занятости в других отраслях мало отличается для мигрантов и коренных жителей. Наблюдаемые различия отраслевых структур занятости мигрантов и коренного населения отчасти могут быть объяснены различиями в уровне образования.

Структура занятости мигрантов варьируется в зависимости от времени проживания в России (таблица 7). Результаты статистического анализа распределения работников-мигрантов по видам экономической деятельности показывают, что около половины недавних мигрантов работают в строительстве и торговле (25,4% в торговле и 24,4% в строительстве), тогда как среди мигрантов-старожилов в этих отраслях заняты только 29% (10% в строительстве и 19% в торговле). Мигранты, проживающие в России более 5 лет, в два раза чаще работают в образовании и здравоохранении, чем

недавние мигранты. Так, в образовании заняты 3,5% недавних мигрантов и 7,5% старожилов, в здравоохранении – 3,1% недавних мигрантов и 7,1% старожилов. Также мигранты-старожилы относительно чаще занимают позиции в сфере госуправления (4,2% против 0,5%). В целом нужно отметить, что отраслевая структура занятости мигрантов-старожилов приближается к структуре занятости коренных жителей (см. таблицу 6). Таким образом, можно предположить, что с увеличением продолжительности проживания в России мигранты все больше адаптируются на российском рынке труда, при достаточно большом сроке проживания в РФ рынок труда практически перестает различать мигрантов и коренных жителей.

Таблица 7 – Структура занятости мигрантов в разрезе отдельных видов экономической деятельности в зависимости от длительности проживания в России, 2019 г.

Вид экономической деятельности	Раздел ОКВЭД	Недавние мигранты (менее 5 лет)	Старожилы (более 5 лет)
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	А	3,3%	5,4%
Добыча полезных ископаемых	В	1,8%	2,9%
Обрабатывающие производства	С	9,1%	11,7%
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Д	0,6%	1,9%
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Е	0,4%	0,6%
Строительство	F	25,4%	10,0%
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Г	24,4%	19,0%
Транспортировка и хранение	Н	9,4%	9,8%
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	И	5,0%	4,1%
Деятельность в области информации и связи	Ж	1,1%	1,6%
Деятельность финансовая и страховая	К	0,5%	2,0%
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Л	2,5%	2,1%
Деятельность профессиональная, научная и техническая	М	0,8%	2,4%
Деятельность административная и	Н	3,4%	2,3%

Вид экономической деятельности	Раздел ОКВЭД	Недавние мигранты (менее 5 лет)	Старожилы (более 5 лет)
сопутствующие дополнительные услуги			
Государственное управление; социальное обеспечение	О	0,5%	4,2%
Образование	Р	3,5%	7,5%
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Q	3,1%	7,6%
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений"	R	1,8%	1,6%
Предоставление прочих видов услуг	S	2,8%	3,3%
Деятельность домашних хозяйств как работодателей	T	0,4%	0,0%
Деятельность экстерриториальных органов и организаций	U	0,0%	0,0%
Всего		100%	100%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

5. Структура занятости по группам занятий

Дополнительно к отраслевой структуре в работе была рассмотрена структура занятости мигрантов и коренного населения в разрезе групп занятий. При этом группы занятий определялись согласно Общероссийскому классификатору занятий ОК 010-2014 (МСКЗ-08), рассматривались только основные группы (1-9). Результаты анализа представлены в таблице 8.

Так же, как и в случае отраслевой структуры занятости, распределения мигрантов и коренных жителей по группам занятий во многом схожи. Например, доля руководителей среди занятых мигрантов практически совпадает с долей руководителей среди коренного населения (5,4% и 5,2% соответственно). Каждый десятый мигрант (10,1%) является неквалифицированный рабочим. Среди коренного населения доля неквалифицированных рабочих аналогична – 11,0%.

Практически единственное существенное различие структур занятости в разрезе групп занятий наблюдается для специалистов высшего уровня квалификации. Среди мигрантов доля специалистов высшего уровня квалификации практически на 6 п.п. ниже, чем среди коренных жителей (15,5% против 21,3%).

По сравнению с коренными жителями мигранты чаще являются работниками сферы обслуживания и торговли, охраны, а также операторами производственных установок, сборщиками, водителями.

Наблюдаемые различия структуры групп занятий мигрантов и коренного населения отчасти могут объясняться различиями образовательной структуры.

Таблица 8 – Структура занятости мигрантов и коренного населения в РФ в разрезе групп занятий, %, 2019 г.

Группа занятий	Номер группы (ОК 010-2014)	Мигранты	Коренные жители
Руководители	1	5,4%	5,2%
Специалисты высшего уровня квалификации	2	15,5%	21,3%
Специалисты среднего уровня квалификации	3	10,7%	11,4%
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	4	1,4%	2,3%
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	5	14,4%	12,6%
Квалифицированные рабочие	6, 7	2,0%	1,8%
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	8	13,1%	11,1%
Неквалифицированные рабочие	9	10,1%	11,0%
Всего		100%	100%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

Как и отраслевая структура занятости, структура занятости мигрантов в разрезе групп занятий существенно различается в зависимости от длительности их проживания в РФ (таблица 9). Среди недавних мигрантов примерно каждый пятый (21,0%) работает в качестве оператора производственных установок, сборщика или водителя, тогда как среди старожилов аналогичный показатель практически в два раза ниже – 11,5%. Старожилы по сравнению с недавними мигрантами чаще являются специалистами высшего и среднего уровня квалификации. Среди старожилов 17,1% занятых являются специалистами высшего уровня квалификации, а 11,6% - специалистами среднего уровня квалификации (среди недавних мигрантов 7,3% и 6,1% соответственно). Также среди старожилов значительно выше доля работников, занимающих руководящие должности, – 6,1% против 1,5% среди недавних мигрантов. Отметим, что структура занятости мигрантов-старожилов в разрезе групп занятий

практически не отличается от структуры занятости коренного населения, что подтверждает нашу гипотезу об адаптации мигрантов на российском рынке труда, происходящей с увеличением длительности проживания в РФ.

Таблица 9 – Структура занятости мигрантов в разрезе групп занятий в зависимости от длительности проживания в России, %, 2019 г.

Группа занятий	Номер группы (ОК 010-2014)	Недавние мигранты (менее 5 лет)	Старожилы (более 5 лет)
Руководители	1	1,5%	6,1%
Специалисты высшего уровня квалификации	2	7,3%	17,1%
Специалисты среднего уровня квалификации	3	6,1%	11,6%
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	4	1,0%	1,5%
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	5	16,5%	14,0%
Квалифицированные рабочие	6, 7	0,9%	2,2%
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	8	21,0%	11,5%
Неквалифицированные рабочие	9	9,4%	10,2%
Всего		100%	100%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

6. Формальный и неформальный статус на рынке труда

Наличие письменного трудового договора – один из важнейших факторов защищенности работника на рынке труда. Данные выборочного наблюдения труда мигрантов содержат подробную информацию о типе контракта респондента, что позволяет провести сравнительный анализ защищенности работников в зависимости от их миграционной истории. Мы полагаем, что у человека есть письменный контракт, если на вопрос о типе контракта он дал один из следующих вариантов ответа: *постоянный трудовой договор, временный трудовой договор, договор гражданско-правового характера, договор о выполнении работы на дому с использованием сети Интернет*. Мы считаем, что у работника нет письменного договора, если он выбрал вариант ответа: *работаю на основе устной договоренности без оформления документов*.

В среднем письменный контракт отсутствует только у 3,7% работников, являющихся коренными жителями (таблица 10). Среди работников-мигрантов отсутствие контракта существенно более распространенное явление – 7,2% мигрантов работают без письменного трудового договора.

В таблице 10 также представлена информация о наличии письменного трудового договора в разрезе основных социально-демографических групп мигрантов и коренного населения. Отсутствие письменного контракта чаще встречается у мужчин, чем у женщин. Данное наблюдение верно, как для мигрантов, так и для коренных жителей. Чаще всего без трудового договора работают молодые люди, особенно мигранты. Среди мигрантов в возрасте от 25 до 34 лет каждый десятый (10,0%) работник не имеет письменного трудового договора. Для молодых коренных жителей этот показатель составляет 4,2%. Работники средних (35-44 года) и старших возрастов (45-60 лет) реже работают без контракта. Среди мигрантов средней возрастной группы доля работников, не имеющих, письменного договора, составляет 7,3%, а среди мигрантов старшей возрастной группы – 6,0%. Для коренных жителей аналогичные показатели составляют 3,8% и 3,1% соответственно.

Таблица 10 – Доля занятых, у которых нет письменного трудового договора, - мигранты и коренные жители, %, 2019 г.

Группа	Мигранты	Коренные жители
Все население	7,2%	3,7%
Пол		
Мужчина	9,6%	4,8%
Женщина	5,1%	2,5%
Возраст, группы		
25 – 34 года	10,0%	4,2%
35 – 44 года	7,3%	3,8%
45 – 60 лет	6,0%	3,1%
Образование (наивысший уровень)		
Общее среднее и ниже	16,8%	9,8%
Начальное профессион.	9,3%	4,9%
Среднее профессиональное	3,5%	2,3%
Высшее	1,3%	0,8%
Место проживания		
Город	7,5%	3,0%
Сельская местность	8,4%	6,5%

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

Вероятность наличия письменного трудового договора в большой степени варьируется в зависимости от образования работника. 16,8% мигрантов и 9,8% коренных жителей, не имеющих профессионального образования, работают без

контракта. Письменный договор отсутствует у 9,3% работников мигрантов и у 4,9% работников коренных жителей, имеющих начальное профессиональное образование. С ростом уровня образования отмечается значительное снижение доли занятых без договора (как для мигрантов, так и для коренных жителей). При этом отмечается сближение положения мигрантов и коренных жителей на рынке труда. Среди мигрантов со средним профессиональным образованием доля не оформленных на работе официально составляет 3,5%, для коренного населения с тем же уровнем образования – 2,3%. Практически все работники с высшим образованием имеют письменный договор. Среди мигрантов с высшим образованием только 1,3% занятых не оформлены на работе официально. Аналогичный показатель среди коренного населения – 0,8%.

Вероятность наличия письменного договора значительно варьируется в зависимости от длительности пребывания мигранта в РФ. В наиболее уязвимом положении находятся работники-мигранты, которые только приехали в Россию (время проживания в РФ менее одного года) – среди них практически треть (29,2% не имеют письменного договора с работодателем). Велика доля занятых, не оформленных на работе официально, и среди мигрантов, проживших в России от 1 до 5 лет – 16,6%. Среди мигрантов-старожилов доля работников, не имеющих письменного договора, только немногим выше, чем у коренных жителей – 5,2%.

Отсутствие письменного договора несколько чаще встречается в сельской местности, чем в городах. И в городах, и в сельской местности работники-мигранты более уязвимы, чем коренное население. При этом в городах различия между мигрантами и коренным населением выражены в большей степени. В городской местности 7,5% мигрантов и 3,0% коренных жителей работают без официального оформления. В сельской местности не имеют письменного договора 8,4% работников-мигрантов и 6,5% работников-коренных жителей.

Приведенный выше статистический анализ различий вероятности наличия письменного контракта у работников-мигрантов и работников-представителей коренного населения основан на простом сравнении средних, имеет описательный характер и формирует общую картину. Однако в ряде случаев сравнение средних может приводить к некорректным результатам. Так, можно предположить, что в силу социально-демографических различий и различий структуры занятости групп мигрантов и коренных жителей сравнение средних показателей вероятности отсутствия письменного контракта может приводить к смещенным оценкам влияния

миграции на уязвимость занятости. Для того чтобы получить оценки миграции на вероятность отсутствия трудового договора «при прочих равных», в работе используется регрессионный анализ, проводится оценка следующей логит-модели (модель 3):

$$P(no_contr = 1) = \Lambda(\alpha * migr + x_1\beta_1 + x_2\beta_2), \quad (3)$$

где *no_contr* – индикатор отсутствия у работника письменного договора;

migr - индикатор миграции;

x_1 вектор социально-демографических характеристик, включающий в себя возраст человека, пол, индикатор брачного статуса, набор дамми-переменных, характеризующих образование, дамми-переменную, характеризующую место проживания;

x_2 вектор характеристик занятости, включающий в себя набор дамми-переменных, характеризующих отрасль занятости и набор дамми-переменных, характеризующих группу занятий работника. Модель (3) была оценена как для всего населения в целом, так и для отдельных социально-демографических групп.

Результаты оценивания представлены в таблице 11. Проведенное исследование показало, что факт миграции статистически значимо повышает вероятность отсутствия письменного контракта у работника. Другими словами, мигранты значимо более уязвимы на российском рынке труда, чем коренные жители. Миграция значимо увеличивает вероятность отсутствия контракта практически для всех рассматриваемых социально-демографических групп работников. Единственное исключение составляют работники, проживающие в сельской местности – для них оценка регрессионного коэффициента положительна, но статистически не значима.

Таблица 11 – Результаты эконометрического анализа влияния миграции на вероятность отсутствия трудового договора – все население и отдельные социально-демографические группы, оценки коэффициентов, 2019 г.

Группа	Мигрант	Количество наблюдений
Все население	0.375*** [0.074]	135747
Пол		
Мужчины	0.326*** [0.092]	66745
Женщины	0.486*** [0.127]	68327
Возраст		
25 – 34 года	0.344** [0.134]	34845
35–44 года	0.327***	43798

	[0.124]	
45 – 60 лет	0.452*** [0.123]	57104
Образование		
Общее среднее и ниже	0.335*** [0.101]	28492
Начальное и среднее профессиональное	0.431*** [0.120]	62921
Высшее профессиональное	0.211 [0.263]	44334
Место проживания		
Город	0.485*** [0.088]	91291
Сельская местность	0.004 [0.131]	44456

Примечание – Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

Дополнительно в работе была оценена логит-модель, позволяющая проанализировать влияние миграции на вероятность наличия трудового договора у мигранта в зависимости от срока непрерывного проживания в России (модель 4):

$$P(no_contr = 1) = \Lambda(\alpha_1 * migr_1 + \alpha_2 * migr_2 + \alpha_3 * migr_3 + x_1\beta_1 + x_2\beta_2), \quad (4)$$

где *no_contr* – индикатор отсутствия у работника письменного договора, *migr* – индикатор миграции, *migr₁* – индикатор совсем недавней миграции (непрерывное проживание в России менее 1 года), *migr₂* – индикатор недавней миграции (непрерывное проживание от 1 до 5 лет), *migr₃* – индикатор старожилов (непрерывное проживание более 5 лет), *x₁* вектор социально-демографических характеристик, включающий в себя возраст человека, пол, индикатор брачного статуса, набор дамми-переменных, характеризующих образование, дамми-переменную, характеризующую место проживания, *x₂* вектор характеристик занятости, включающий в себя набор дамми-переменных, характеризующих отрасль занятости и набор дамми-переменных, характеризующих группу занятий работника.

Результаты оценивания модели 4 представлены в таблице 12. Показано, что при прочих равных недавние мигранты имеют значимо более высокую вероятность отсутствия письменного трудового договора, чем коренное население. При этом величина эффекта существенно выше для тех мигрантов, которые только что приехали в Россию (длительность постоянного проживания в РФ менее года). Вероятность неформальной занятости для старожилов статистически не отличается от вероятности неформальной занятости для коренных жителей.

Таблица 12 – Результаты эконометрического анализа влияния миграции на вероятность отсутствия трудового договора в разрезе длительности постоянного проживания в РФ, 2019 г.

Показатель	Модель 4
Миграция (референтная группа – коренное население)	
Мигрант (до 1 года в России)	1,070*** [0,229]
Мигрант (от 1 до 5 лет в России)	0,762*** [0,168]
Мигрант (более 5 лет в России)	0,142 [0,091]
Пол (референтная группа – мужчины)	
Женщина	-0,260*** [0,044]
Возраст (референтная группа – 35–44 года)	
25 – 34 года	0,07 [0,043]
45 – 60 лет	-0,167*** [0,040]
Образование (референтная группа – основное общее и ниже)	
Начальное профессиональное	-0,612*** [0,042]
Среднее профессиональное	-0,847*** [0,051]
Высшее профессиональное	-0,941*** [0,078]
Состояние в браке (референтная группа – не состоит в браке)	
Состоит в браке	-0,348*** [0,037]
Место проживания (референтная группа – город)	
Сельская местность	0,367*** [0,039]
Группа занятий (референтная группа – специалисты высшего уровня квалификации)	
Руководители	-0,419 [0,324]
Специалисты среднего уровня квалификации	1,174*** [0,157]
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	0,575*** [0,246]
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	2,110*** [0,148]
Квалифицированные работники сельского хозяйства	2,820*** [0,169]
Квалифицированные рабочие промышленности	2,192*** [0,148]
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	1,726*** [0,152]

Показатель	Модель 4
Неквалифицированные рабочие	2,563*** [0,150]
Вид экономической деятельности (референтная группа – здравоохранение, образование)	
(+) – сельское хозяйство, обрабатывающие производства, обеспечение электроэнергией, водоснабжение, торговля, строительство, транспортировка и хранение, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность в области информации и связи, деятельность финансовая и страховая, деятельность в области культуры, спорта; (-) – добыча полезных ископаемых.	
Константа	-5,846*** [0,200]
Количество наблюдений	135747

Примечание

1 *, **, *** – значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки.

2 Источник: Выборочное наблюдение труда мигрантов, Росстат, 2019 г.

Заключение

Проведенное Росстатом в 2019 г. «Выборочное наблюдение труда мигрантов» имеет значительные ограничения для полноценного анализа полученных результатов. В первую очередь, речь идет о сравнительно низкой доле международных мигрантов, попадающих в выборку, особенно тех, кто приехал в Россию в последние годы. Так, в возрасте 25 – 60 лет (респонденты, отобранные для целей исследования) в выборке почти 175 тысяч коренных жителей и всего 6046 международных мигрантов, из которых только 260 человек живут в России менее года и 798 человек – от года до пяти. Именно поэтому основной эконометрический анализ проводился для двух групп населения – коренные жители и мигранты (все). Лишь по некоторым позициям были возможны сравнения мигрантов между собой с учетом срока их проживания в России.

Тем не менее, имеющиеся данные позволяют сделать некоторые выводы о положении международных мигрантов на российском рынке труда в сравнении с коренным населением.

Выполненный эконометрический анализ показал, что в среднем факт миграции не оказывает статистически значимого влияния на вероятность наличия оплачиваемой занятости. При этом полученный результат устойчив к вариации длительности пребывания в России. Ни для старожилов, ни для недавних и совсем недавних мигрантов уровень занятости при прочих равных статистически не отличается от

аналогичного показателя для коренного населения. Значимыми факторами занятости являются его социально-демографические характеристики: пол, возраст, образование и место проживания (город или село).

В то же время структура занятости мигрантов имеет явную зависимость от времени проживания в России. Около половины недавних мигрантов (до 5 лет) работают в строительстве и торговле, тогда как среди мигрантов-старожилов в этих отраслях заняты в общей сложности менее 30%. Мигранты, проживающие в России более 5 лет, в два раза чаще работают в образовании и здравоохранении, чем недавние мигранты; в 8 раз чаще занимают позиции в сфере госуправления. В целом, отраслевая структура занятости мигрантов-старожилов приближается к структуре занятости коренных жителей. Таким образом, можно сделать вывод, что с увеличением продолжительности проживания в России мигранты все больше адаптируются на российском рынке труда, и при достаточно большом сроке проживания в РФ рынок труда практически не демонстрирует разницы в положении мигрантов и коренных жителей.

Как и отраслевая структура занятости, структура занятости мигрантов в разрезе групп занятий существенно различается в зависимости от длительности их проживания в РФ. Среди недавних мигрантов примерно каждый пятый работает в качестве оператора производственных установок, сборщика или водителя, тогда как среди старожилов аналогичный показатель практически в два раза ниже. Старожилы по сравнению с недавними мигрантами чаще являются специалистами высшего и среднего уровня квалификации. Также среди старожилов в 4 раза выше доля работников, занимающих руководящие должности. Структура занятости мигрантов-старожилов в разрезе групп занятий в целом практически не отличается от структуры занятости коренного населения.

Наиболее заметные отличия в положении недавних мигрантов и старожилов, а также коренных жителей, наблюдаются в сфере оформления трудовых взаимоотношений между работником и работодателем. Вероятность наличия письменного договора значительно варьируется в зависимости от длительности пребывания мигранта в РФ. В наиболее уязвимом положении находятся работники-мигранты, которые живут в России менее одного года – среди них практически треть не имеет письменного договора с работодателем. Также значительна доля работающих без контракта среди мигрантов, проживших в России от 1 до 5 лет (17%). При прочих равных недавние мигранты имеют значимо более высокую вероятность

отсутствия письменного трудового договора, чем старожилы или коренное население. При этом вероятность неформальной занятости для старожилов статистически не отличается от вероятности неформальной занятости для коренных жителей.

Список использованных источников

1. Абылкаликов С.И. Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // Социологические исследования 2016 №4 с. 42-49.
2. Демографический ежегодник России 2021. Федеральная служба государственной статистики. 2022 г. https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm
3. Чудиновских О.С. О пересмотре Рекомендаций ООН 1998 года по статистике миграции и российском контексте // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 8. С. 61-76.
4. Мкртчян Н.В. Десятилетие вынужденной миграции // Демоскоп Weekly 2002 №71-72 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/071/tema01.php> (Дата обращения 15.05.2022 г.).
5. Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., Тюрюканова Е.В. Россия перед вызовами иммиграции / Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской М.: ИТ «Адамантъ», 2009. С. 9-62.
6. Флоринская, Ю. Ф. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие / Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян // Экономическое развитие России. – 2021. – Т. 28. – № 1. – С. 50-54.
7. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / [В.И. Мукомель]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. — 34 с. — ISBN 978-5-91891-215-7.
8. Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой М.: МАКС Пресс, 2010 с. 38.
9. Yu.F. Florinskaya. Female Labor Migration to Russia: Number, Donor Countries, Niches in the Labor Market // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33. No. 1. Pp. 55-64. DOI: 10.1134/S1075700722010075.
10. Cramer, J. S. 2003. Logit Models from Economics and Other Fields. Cambridge: Cambridge University Press.